Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

На ветвях деревьев лежал снег, повсюду были слышны треск и хлопки фейерверков. Над столицей витало явственное ощущение приближавшегося праздника. В новогоднюю ночь, предвещавшую четвёртый год эры Чондэ, атмосфера за праздничным столом была довольно специфическая.

— Эх, нынче наша семья слишком сильно разобщена, — сделав вид, будто её одолевают чувства, растроганно сказала пожилая госпожа Цинь, окинув взглядом полный яств праздничный стол. — В отличие от твоих четвёртого и пятого дядюшек, даже их внуки и внучки способны организовать два или даже три стола, полных угощений.

Отвернувшись, Гу Тинцань выглянула в окно, вытянув при этом свою изящную и тонкую, словно у журавля шею.

— Верно, — беззаботно произнесла она. — Какими же оживлёнными раньше были наши новогодние празднества! Ну а в этом году? Разве может появиться у кого-то новогоднее настроение из-за пребывания в пустой комнате?

Шао Ши молча сидела, опустив голову, вид у неё был подавленным и она лишь изредка поглядывала на Сянь. Чжу Ши, слегка нахмурившись, осторожно ощупывала свой большой живот. Минлань прикидывалась глупенькой и притворялась удивлённой, словно бы она не замечала в происходящем ничего неправильного, и периодически прикрывала рот носовым платком.

Ещё одним человеком, явно не заморачивавшимся атмосферой за столом был Гу Тинвей.

— Как по мне, нам стоило пригласить сюда труппу актёров, — усмехнулся он. — Зря вы, матушка, не позволили мне устроить этого.

Чжу Ши бросила обеспокоенный взгляд в сторону Шао Ши. Пожилая госпожа Цинь недовольно взглянула на своего сына.

— Не говори ерунды, — проворчала она. — Со смерти твоего первого брата не прошло и девяти месяцев!

Гу Тинвей виновато улыбнулся.

— Вы правы, — с невозмутимым видом произнёс Гу Тинъе, отложив в сторону палочки. — За столом что-то действительно тихо. Моему отцу следовало завести больше детей.

Пожилая госпожа Цинь тут же напряглась, услышав это.

В аграрном обществе всегда считалось, что большая семья — это счастливая семья. Особенно это ощущалось на всяческих фестивалях и празднествах. Полный народу обеденный зал считался показателем процветания семьи. Все трое сыновей пожилого господина Гу женились в достаточно юном возрасте. В настоящее время старшие внуки и внучки четвёртого и пятого господ уже даже могли вступать в брак. Из-за этого первая ветвь семьи в последнее время была в их тени: Гу Тинвей и Гу Тинъе сейчас были единственными взрослыми мужчинами первой ветви, а Сянь был единственным мальчиком среди их детей. Сейчас он сидел за одним столом с ними в окружении двух сестёр и няни, кормившей его.

Причиной сложившейся ситуации был пожилой господин Гу, отвергший свои обязанности. Он был буквально одержим своим клочком солончака (засоленной земли), на котором никогда бы ничего не выросло, не важно, сколько удобрений или воды он туда вложил бы. Спустя почти десять лет там не сумел взойти ни один росток. Когда родился Гу Тинъю, Гу Тинсюань и Гу Тинъян уже подросли достаточно, чтобы бегать. Спустя ещё два года родился Гу Тинъе, а ещё через пять лет — Гу Тинвей. Таким образом, когда Гу Тинвей ещё вовсю питался грудным молоком, Гу Тинсюань уже размышлял о своей помолвке. Главной причиной того, что первая ветвь семьи Гу растеряла своё преимущество, был тот самый участок бесплодной земли.

Иными словами, некто изо всех сил держался за своё положение, но при этом не выполнял никакой положенной работы и не позволял никому другому выполнять её. И, к сожалению, этой бесплодной почвой была родная сестра первой пожилой госпожи Цинь, нынешняя пожилая госпожа Цинь, которая сейчас сидела за этим столом.

Людей за праздничным столом было слишком мало, так что если бы они сидели раздельно, это выглядело бы ещё более печально, поэтому пожилая госпожа Цинь предложила, чтобы в этот раз мужчины и женщины сидели вместе за одним столом.

Согласно традициям, три её невестки должны были обслужить её. Обычно всё сводилось к накладыванию еды в тарелку, однако Чжу Ши и Минлань были беременны, а Шао Ши была вдовой в трауре, поэтому эту традицию в этот раз опустили.

После слов Гу Тинъе пожилая госпожа Цинь тут же поникла. Все остальные сосредоточенно ели с опущенными головами, а слуги молча стояли поодаль.

«Это словно ужин в тюрьме, вот это я понимаю веселье», — мысленно усмехнулась Минлань.

Пожилая госпожа Цинь в частности ещё на протяжении последних нескольких дней ходила мрачная, словно туча. В тот день, когда она передала документы на семейную собственность Гу Тинъе, Минлань не захотела на этом присутствовать. Гу Тинъе настоял на том, чтобы её отпустили, и потому она смогла хотя бы просто слушать их из-за ширмы. Пожилая госпожа

Цинь тогда попросила служанку Сян продемонстрировать всем учётные книги и все переданные ей документы.

Несмотря на то что с её лица не сходило выражение глубочайшей скорби, она ни на что не жаловалась и даже поприветствовала других родственников из семьи Гу фальшивой улыбкой. Тогда все эти дальние родственники решили, что она скорбела по старшим, заботилась о младших и вообще совершила множество добрых дел для своей семьи. И все они даже отчасти пожалели её.

Тогда, сидя за ширмой, Минлань терзала в руках носовой платок, ощутимо нервничая. Она знала, что по-настоящему хорошие актёры умели донести желаемое исключительно через скорбное выражение лица, не опускаясь до крокодильих слёз и громких надрывных рыданий. Тогда она вначале даже отчасти поддерживала Гу Тинъе, который повёл себя как классический злодей. Он выглядел так, словно бы совершенно не ощущал всей тяжести сложившейся ситуации. Он даже позвал в комнату двух своих советников и они вместе принялись тщательно перебирать все документы, полностью игнорируя тяжёлую атмосферу в комнате. Постепенно лица всех присутствующих старейшин становились всё более и более расстроенными, а Минлань, даже сидя за ширмой, начала испытывать стыд и смущение. А затем Гу Тинъе лишь добавил неловкости, невозмутимо налив себе чашку чая.

— До тех пор, пока мы способны вот так вот прояснить всё на глазах членов нашей семьи, мы сможем жить счастливой и гармоничной жизнью, — сказал он тогда.

Услышав это, пожилая госпожа Цинь побледнела и едва не упала в обморок. К счастью, советники Гу Тинъе работали быстро и успели закончить все проверки до того, как она осела на пол. Когда они закончили с проверками и подсчётами, у них ожидаемо появились вопросы.

— Разве эти три магазина не должны были находиться на улице Юнмин? — взмахнув рукой, начал спрашивать Гу Тинъе. Эта улица располагалась в оживлённом торговом квартале. — Почему их перенесли на аллею Сянцзы?

Аллея Сянцзы находилась в районе, довольно отдалённом от торгового квартала.

— Когда эти три сотни акров рисового поля с прилегавшими к нему родниками и лесами превратились в пахотные земли? — продолжил спрашивать он. — Поместье в золотом квартале города Ань, которым мы владели, а также в пригороде на юге, были проданы. Почему?

Пожилая госпожа Цинь сгорала от стыда и очень хотела высказать Гу Тинъе всё, что она о нём думает, однако оба советника, приглашённых им, были крайне вежливыми и прилежными людьми. За всё это время один лишь Гу Тинъе вёл себя беззаботно и неподобающе. Она знала, что если она не сумеет ясно ответить на поставленные ими вопросы, кто-то из них наверняка зацепится за это и создаст ей ещё больше проблем, поэтому ей не оставалось ничего иного, кроме как прекратить притворяться слабой и ранимой женщиной и начать объясняться.

— В час нужды, когда у нашей семьи были проблемы, нам пришлось потратить много денег.

Большая часть упомянутой собственности была продана именно в тот период. Тогда я переживала о состоянии Тинъю и потому не стала сообщать ему об этом.

В ответ на это Гу Тинъе лишь молча улыбнулся. Остальные родственники переглянулись между собой — на их лицах читались скепсис и недоверие. Все так или иначе знали, что семья Гу не бедствовала в финансовом плане с тех самых пор как в эту семью вышла Бай Ши. К тому же, пожилой господин Гу отлично разбирался в этих делах и всегда тщательно следил за состоянием семейной собственности даже после всех сложностей и лишений. А теперь выходило так, что пожилая госпожа Цинь растратила большую часть семейных сбережений, едва не продала часть собственности предков, но всё ещё стремилась выпутаться из этой неловкой ситуации с помощью красивых слов.

Однако быстро стало понятно, что все попытки пожилой госпожи Цинь повернуть ситуацию в свою пользу не возымели никакого эффекта. В конце концов, семья хоу Нинъюань избежала катастрофы лишь благодаря участию Гу Тинъе. Если бы пожилая госпожа Цинь сказала, что она вложила деньги в другую собственность, чтобы избежать конфискации имущества, это и то звучало бы более убедительно.

Однако то, куда она перевела деньги… Не важно было ли это правдой или нет, это был её лучший шанс оправдаться. В тот момент глаза всех присутствующих были прикованы к пожилой госпоже Цинь, но Гу Тинъе лишь усмехнулся и не стал расспрашивать дальше. Вместо этого он объявил, что желает отдать сотню акров полей в качестве жертвенной земли, которая считалась частью клановой собственности и использовалась для поклонения предкам.

После этого атмосфера в комнате резко поменялась. Клановой собственностью владели все члены семьи Гу. На тот момент все жертвенные поля приносили доход в размере от трёх до четырёх сотен лян серебра в год. После того как будут урегулированы вопросы нужд храма предков и будет выделено пространство под гробницы, доход с остальной части земли будет поделен между всеми ветвями семьи. Иными словами, каждый член семьи Гу окажется в плюсе.

После этого большая часть старейшин выглядели озадаченными и задумчивыми. На самом деле конфликты между мачехой и приёмным сыном не были редкостью в этом мире, да и потом, с учётом вскрывшихся обстоятельств было понятно, что и сама мачеха вовсе не была невинной овечкой.

Вернувшись в свою комнату, Гу Тинъе первым же делом велел Минлань:

— Никогда не при каких обстоятельствах не расслабляйся в присутствии этого человека.

С учётом всего случившегося Минлань интерпретировала это как: «Эта старуха ни за что ни сдастся и не признает поражение и, даже если тебе покажется, что она сдалась, она, должно быть, притворяется».

Той же ночью пожилая госпожа Цинь изображала больную, лёжа на кровати, и заявляла, что

хочет, чтобы Минлань сию же минуту занялась всеми семейными делами. Однако ей не было известно, что Минлань в то же самое время изображала из себя ещё более несчастную, чем она.

— Ах, матушка, прошу, позвольте мне принять управление всеми домашними делами хотя бы после января ради моего ребёнка, — после дрожащим голосом умоляла Минлань.

Пожилая госпожа Цинь знала, что Минлань что-то задумала, но понятия не имела, как выкрутиться из этой ситуации. В тот момент она могла лишь недовольно стиснуть зубы. Таким образом, Минлань оставалось лишь поблагодарить пожилую госпожу Цинь, поскольку та уже давно вертела семейными счетами, как хотела, не было никакой нужды разбираться с ними в спешке. И потом, первые три месяца беременности были самыми важными, и Минлань не хотела лишний раз утомлять себя. Сейчас ей следовало отложить в долгий ящик всё, что было можно. Следуя этой тактике, уже к новому году Минлань была румяной и пухлощёкой. Даже Гу Тинцань, которая вот-вот собиралась выйти замуж, не лучилась счастьем также сильно, как она, что уж было говорить про вдову Шао Ши и вот-вот готовящуюся родить Чжу Ши.

Сейчас Минлань уже не могла притворяться слабой, как бы ей того не хотелось.

— Один из офицеров военного министерства пообещал мне, что ты сможешь вступить в новую должность уже после января, — сказал Гу Тинъе, взглянув на сидевшего рядом брата.

Гу Тинвей, которому явно наскучило сидеть дома, обрадовался услышанному.

— Спасибо, второй братец! — воскликнул он.

— Трудись усердно, — принялся наставлять его Гу Тинъе. — Жизнь в пяти армиях не так проста, как в страже. Тебе предстоит столкнуться со множеством проблем, не забывай об этом.

— Не беспокойся обо мне, второй братец, — улыбнулся Гу Тинвей.

В ответ Гу Тинъе одобрительно кивнул.

Уже ночью Даньдзю принесла к ним в покои коробку из красного сандалового дерева, накрытую жёлтым атласом и, поставив её на круглый столик, удалилась.

— Это прибыло из императорского дворца, — улыбнувшись, сообщила Минлань. — Остальные награды уже должны были разместить в кладовой. Это — самое ценное из того, что было. Господин, вам следует распорядиться, как стоит со всем этим поступить.

— Реши сама, — ответил Гу Тинъе, лежавший на кровати с полуприкрытыми глазами.

В ходе новогодних праздников работа при дворе становилась особенно трудной. В последние дни Гу Тинъе был настолько перегружен работой, что у него не оставалось времени даже на то чтобы поесть. А сейчас ему приходилось бодрствовать в непривычное для себя время, поскольку это было новогодней традицией, поэтому не было ничего удивительного в том, что сейчас он хотел лишь отдохнуть.

Минлань было отчасти жалко его, но она понимала, что со временем ему воздастся сполна за его тяжёлую работу. В последнее время она стала лучше разбираться в тонкостях жизни привилегированного сословия.

Императорская семья раздавала дары всем приближённым по особым случаям или даже просто так, чтобы показать своё расположение. Среди даров встречались рулоны цветной парчи, атласа, штофа, множества сортов шёлка, и лёгкой, словно крыло цикады, кисеи, не говоря уже о сундучках с золотом, серебром и драгоценными камнями.

К тому же, если Минлань хотелось пошить одежду, ей не приходилось ждать в очереди, поскольку мастер в ателье обслуживал её сию минуту. Новый год был большим праздником, поэтому дары были соответствующими.

Минлань принялась доставать лежавшие в коробке вещи по одной. Чаша из белого нефрита, две пары палочек для еды из голубого нефрита, инкрустированные золотом. Жуйи из жёлтого нефрита, также инкрустированный золотом, и что-то ярко-алое. Приглядевшись повнимательнее, Минлань поняла, что это подвеска для влюблённых из красного нефрита. Она состояла из двух частей, которые вместе образовывали форму ленты Жуйи, но также неплохо смотрелись и будучи разъединёнными. Нефрит, из которого была изготовлена подвеска, был явно дорогостоящим, а отделка качественной. Минлань довелось повидать много дорогих вещей, но столь роскошные изделия из красного нефрита до сих пор были для неё редкостью. Цвет нефрита был ярким и чарующим, а на ощупь он был тёплым, словно вода в горячем источнике. Лежавшая в её руке подвеска напоминала каплю свежей крови.

http://tl.rulate.ru/book/5280/1648842